

Е. В. Кашкин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

**ПОЛЕВОЕ ИЗУЧЕНИЕ ВОСТОЧНЫХ ГОВОРОВ
ГОРНОМАРИЙСКОГО ЯЗЫКА: ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ МГУ**

1. О задаче

Как было отмечено в [2, с. 28, 30], «под словосочетанием “марийское языкознание” некоторые лингвисты привыкли подразумевать круг вопросов, связанных с лугомарийским литературным языком. Тем более, что в последние десятилетия <...> все теоретические исследования посвящались только лугомарийскому литературному языку. <...> В плане научных исследований нет разделов в горномарийском языкознании, про которые можно было бы сказать, что они достаточно исследованы».

В данной статье речь пойдет об экспедиции по изучению горномарийского языка, нацеленной на посильный вклад в решение описанной выше проблемы. Эта экспедиция организована кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и продолжает программу по описанию языков народов России и бывшего СССР, начатую в 1967 г. (см. подробнее [9]). За это время под руководством А. Е. Кибрика, а также его коллег и учеников были обследованы языки Кавказа (лакский, арчинский, хиналугский, багвалинский, годоберинский, цахурский, сванский, карачаево-балкарский и мн. др.), Памира (шугнанский), Сибири и Дальнего Востока (алюторский, тувинский, бурятский), Поволжья (татарский, чувашский). Большое внимание в разные годы уделялось и уральским языкам (эти экспедиции проводились в первую очередь А. И. Кузнецовой): селькупскому, ненецкому, энецкому, эрзянскому, мокшанскому, коми, удмуртскому, хантыйскому, луговому марийскому.

Полевые исследования горномарийского языка были начаты в 2016 г. Как правило, работа ведется большими группами (примерно 15-20 участников), в состав которых входят студенты, аспиранты, преподаватели и научные сотрудники. В настоящее время изучается говор с. Кузнецово и окрестностей – деревень Апшак-Пеляк, Кукшилиды, Паулкино, Тюманово (руководитель экспедиции – к. ф. н. Е. В. Кашкин), а также говор с. Микряково и окрестностей (руководитель экспедиции – к. ф. н. С. Ю. Толдова). Целью работы является комплексное изучение фонетики, грамматики и лексики горномарийского языка. Далее, если эксплицитно не оговорено иное, будут обсуждаться результаты экспедиций, работавших в с. Кузнецово и окрестностях и изучавших восточные говоры горномарийского языка.

2. Методологические установки

В нашей работе мы следуем методологическим принципам, заложенным в [5, 6]. Выбранный нами коллективный метод полевого исследования предполагает, что каждый участник детально прорабатывает какую-либо узкую тему (например, локативные падежи, сериальные конструкции, относительные предложения) и обменивается информацией с другими участниками, в т. ч. в ходе регулярных семинаров, проводимых в экспедиции.

Предметом изучения в нашей традиции необязательно должен быть литературный язык (и при исследовании горномарийского языка мы фокусируемся на системе местного говора). В то же время, этот подход не диктует полного изучения идиомного варьирования в выбранном языке: безусловно осмысленной задачей является глубокое изучение даже одного говора (а результаты такого исследования при необходимости могут быть базой для дальнейшего идиомного расширения проекта).

Мы отделяем задачу научного исследования языка от задачи практического овладения им. Носителей горномарийского языка в составе экспедиции нет и вовсе. Базой для работы выступает в данном случае не

владение изучаемым языком как родным, а квалификация исследователей в лингвистической теории и типологии, с понятиями и достижениями которых – и это еще один важнейший принцип нашей работы – должны быть соотнесены результаты исследования. Современная лингвистическая типология ставит вопросы о том, какие явления возможны в языках мира, какие – нет и почему так происходит? Например, при типологическом изучении падежных систем возникают, среди прочего, вопросы такого рода: «Сколько падежей в принципе может быть в языке?», «В чем сходства и отличия падежных систем в горномарийском и в коми (в русском, в бурятском)?», «Может ли один падеж выражать в каком-либо языке как длительную локализацию, так и конечную точку?», «Как строго объяснить наличие-отсутствие показателя винительного падежа у прямого дополнения?»

Основным методом сбора данных является анкетирование информантов, дополняемое сбором суждения о грамматической / семантической приемлемости и о различиях в значении языковых единиц. Например, информанту могут быть заданы вопросы: «Как сказать на горномарийском языке *Леша упал в лужу?*»; «Можно ли сказать на горномарийском языке *Ма гишӓн кӓн йӓнгжӓй каршта, тӓдӓй гишӓнок пона?*»; «Отличаются ли значения горномарийских предложений *Мӓйнь капкам питӓрӓйшӓйм* и *Мӓйнь капкам чӓчӓйм?*». Помимо этого, при исследовании отдельных тем проводятся эксперименты (описание картинок и т. п.) с дальнейшей статистической обработкой результатов.

В большой степени мы опираемся также на анализ естественных текстов – в первую очередь это устные тексты, записанные от носителей исследуемых говоров и расшифрованные в ходе экспедиции. В настоящее время нами обработано около 5 часов аудиозаписей. Расшифрованные тексты подвергаются морфологическому разбору в программе SIL FieldWorks, свободно скачиваемой в интернете. Корпус текстов планируется обнародовать на более позднем этапе проекта.

3. Первые результаты

Результаты экспедиции суммируются на регулярно обновляемом сайте hillmari-exp.tilda.ws. По итогам первого года проекта было сделано около 20 докладов на конференциях в Москве, Санкт-Петербурге, Лейпциге и Неаполе. Более 10 докладов принято к представлению в 2017 г. на конференциях в Москве, Уфе, Хельсинки, Цюрихе. Начата работа по публикации результатов – в настоящее время это около 20 работ (в основном тезисы конференций). На рецензировании и в печати находится 7 развернутых статей, еще несколько статей сейчас готовятся к подаче на рецензирование. В будущем также планируется регулярная публикация материалов.

Сюжеты наших докладов и публикаций строятся вокруг описания и анализа горномарийской грамматики и лексики. Во многих случаях горномарийский материал подробно сопоставляется в работе с данными других языков. Не имея по соображениям объема возможности изложить здесь все полученные результаты, далее мы кратко обсудим три примера, представляющиеся в разных отношениях показательными. В начале каждого обсуждения приведены ссылки на репрезентативные работы исследователей, занимающихся этой темой в наших экспедициях.

3.1 Сочетания числительных с существительными

Первый из рассматриваемых примеров касается сочетаний числительных с существительными. Более подробно эта проблематика освещена в [12, 13]. Основной вопрос здесь состоит в том, какая числовая форма имени должна выбираться после числительного – например, говорят ли о трех чашках *кым цӱшкӱ* или *кым цӱшкӱвлӓ*? Информация об этом в традиционных описаниях довольно скудна, в некоторых случаях встречается нормативное утверждение о том, что после числительных правильна форма единственного числа. Однако в [16, с. 16-17] приводятся сведения о вариативности числового маркирования в таких конструкциях. В качестве релевантных факторов упоминаются семантика конструкции (так,

«раздельное множество предметов» кодируется множественным числом) и стилистические различия, а также отмечаются некоторые диахронические сдвиги в допустимости множественного числа. При этом предшественниками совсем не рассматривались синтаксические свойства таких конструкций, тогда как, по нашим экспедиционным данным, они оказываются крайне релевантны. Так, в примере (1) употребление множественного числа отвергается носителями языка, а в примере (2), где между числительным и существительным есть зависимые, оно становится возможным.

(1) *Стӧл вӧлнӧ шӧнзӧт кым цӧшкӧ / *цӧшкӧвлӧ* ‘На столе стоят 3 чашки’.

(2) *Стӧл вӧлнӧ шӧнзӧт кым цевер кловой цӧшкӧ / ^{OK}цӧшкӧвлӧ* ‘На столе стоят 3 красивые голубые чашки’.

Еще сложнее обстоит дело в конструкциях, выражающих приблизительное количество (и они описаны пока совсем поверхностно как в марийских грамматиках, так и в работах типологов). Так, конструкция с лексемой *нӧрӧ* при малых числительных типа ‘два’ требует единственного числа существительного, а сама эта лексема следует после существительного (*кок эдем / *эдемвлӧ нӧрӧ* ‘примерно 2 человека’). В свою очередь в конструкциях с большими круглыми числительными (например, ‘миллион’) лексема *нӧрӧ* следует после числительного, а на существительном не исключается множественное число (*миллион нӧрӧ эдем / ^{OK}эдемвлӧ* ‘примерно миллион человек’).

Тем самым, в данном случае проведенное полевое исследование позволило получить ряд новых данных горномарийского языка. А кроме того, эти данные представляют ряд проблем для современных синтаксических теорий, оказываясь в результате значимыми не только в эмпирическом аспекте.

3.2 Глагольные «частицы» *ылын / ылы*

Следующий пример касается застывших форм глагола *ылаш* ‘быть’ – *ылын* и *ылы*. Они рассмотрены в [3, 19]. Такие формы встречаются в

конструкциях типа (3) и предполагают сдвиг в прошлое ситуации, описываемой финитным глаголом («ретроспективный сдвиг» в терминологии из [8]).

(3) *Петя изижбі годым каждый кечѳн лемѳм качкеш ылын* ‘Петя в детстве каждый день ел суп’.

Набор значений этих конструкций в целом близок к аналогичным конструкциями некоторых других уральских языков (см. [11, 14, 17]). Однако в горномарийском языке они также используются для выражения неожиданности (или, в современной терминологии, адмиративности / миративности), как в записанном в экспедиции примере (4) или в примере (5) из опубликованного ранее текста (семантика частицы *-ыш*, присутствующей в последнем примере, требует дальнейшего изучения).

(4) *Дѳ анжет гѳнь, Петя заборым чийлтѳ ылын!* ‘Да ты посмотри, Петя забор красит!’

(5) – *У-у-у, кыце карштар!* – *хвалял колта Пирѳт. – Пишок патыр ылат ылыныш* ‘У-у-у, как больно! – похвалил его [ягненка – Е. К.] Волк. – Оказывается, ты очень сильный’ [1, с. 22].

Для других финно-угорских языков миративное употребление конструкций данного типа в целом нехарактерно, поэтому марийские данные важны здесь хотя бы с точки зрения описательной внутригенетической типологии. Но, кроме того, они поднимают теоретический вопрос о том, откуда в рассматриваемых примерах возникает миративное значение? В [19] предложено два возможных сценария и приведены аргументы за и против каждого. Согласно первому из них, миративность категоризуется здесь как дистанция между реальным и ожидаемым положениями вещей и является метафорой от семантики дистанции во времени, выражаемой конструкциями с *ылын/ылыы* и их когнатами в других финно-угорских языках. Второй сценарий предполагает, что миративное употребление развилось на базе эвиденциальной семантики, приписываемой в традиционных грамматиках формам т. н. II прошедшего времени (исходно его формой является и клитика

ылын). Помимо собственно возможности глубже понять устройство горномарийской системы, эти данные вносят вклад и в более широкое теоретическое обсуждение того, как в принципе могут развиваться миративные показатели в языках мира.

3.3 Посессивные показатели

Третий пример, который мы рассмотрим в этом разделе, касается непосессивных употреблений посессивных (притяжательных) показателей 3 л. ед. ч. (*-жы / -жй / -шы / -шй*). Этот вопрос освещается в частности в [15, 18]. Т. н. «указательно-выделительные» употребления посессивных показателей хорошо известны в уралистике, см. среди прочих [7, 16, 20, 22]. Однако описания горномарийских данных в литературе до сей поры были довольно обтекаемыми: из них неясно, что в точности «указывают» и «выделяют» такие употребления и, соответственно, какими правилами они регулируются. Решение, предложенное в [15, 18], состоит в том, что горномарийские посессивные показатели 3 л. ед. ч. маркируют выбор из группы в широком смысле – или из конкретного множества (5), или из набора альтернативных тем высказывания / текста (6). Такое решение хорошо согласуется с теоретическими работами о контрастивных контекстах типа (6), где контрастивность понимается как выбор из множества участников дискурса (см., например, [21]).

(5) *Мйнь шйм тырхы дй кым канфетшйм качкен колтышым* ‘{На столе лежало много конфет}. Я не выдержал и съел три конфеты’.

(6) *Сймйрйквлйжй кен колтенйт, шонгывлйжй уже чйдйн кодыныт* ‘Молодые уехали, а стариков уже мало осталось’.

В этом случае, таким образом, экспедиционное исследование позволило уточнить и объяснить указанные языковые данные, а также вписать горномарийский материал в контекст современной теории.

4. Перспективы исследования

Выше были разобраны некоторые примеры из нашей работы с говором с. Кузнецово и окрестностей. Потенциально, однако, наш экспедиционный

проект поднимает и вопросы идиомного варьирования внутри горномарийского языка. В литературе (см. хотя бы [10]) есть сведения о варьировании между говорами, в первую очередь в фонетике и лексике. Однако этот вопрос еще требует более детального изучения.

Как было упомянуто в Разделе 1, мы имеем возможность сравнить материалы восточных говоров (с. Кузнецово и окрестности) с материалами западных говоров (с. Микряково и окрестности). На текущий момент между этими группами говоров выявлено много совпадений на всех уровнях, но обнаруживаются и отдельные различия. Наиболее интересными лингвистически представляются те из них, которые касаются не просто фонетического облика какого-л. слова или разных лексем для наименования одного и того же предмета, но более сложных механизмов языковой системы. Так, между географически противоположными группами говоров выявляются различия в полисемии лексем: в с. Кузнецово зафиксировано развитие значения 'неметь' (о части тела) на базе значения 'спать' (*Иваныи кидшы́ амален шб́нзб́н* 'У Ивана рука онемела'), однако носители, опрошенные в с. Микряково, такие примеры опровергают (подробнее об обозначениях неприятных физиологических ощущений в горномарийском см. [4]). Встречаются и некоторые различия в грамматике двух групп говоров. Яркий пример касается порядка морфем в притяжательных формах (данные предоставлены Полиной Плешак). В Кузнецово маркер обладателя 1 и 2 лица возможен как после числового показателя, так и до него (*пивляэмб́н / пиэмвлáн* 'моих собак'). В Микряково указанные посессивные маркеры могут следовать только после числового показателя (*пивляэмб́н / *пиэмвлáн*).

Работу по выявлению подобных различий между горномарийскими идиомами в дальнейшем планируется продолжить. Помимо нее многое предстоит еще сделать и собственно в детальном теоретически ориентированном описании восточных говоров, о которых и шла речь в статье.

ЛИТЕРАТУРА И КОММЕНТАРИИ

Работа поддержана грантом РФФИ № 17-04-18036е.

1. Акцорин В. А. (сост.) Сказки горных мари. Свод марийского фольклора. Йошкар-Ола, 1995. 272 с.
2. Васикова Л. П. Горномарийское языкознание: современное состояние и перспективы развития // Тезисы докладов международной научной конференции «Структура и развитие волжско-финских языков». Йошкар-Ола, 1996. С. 28–31.
3. Воронов М. К., Мордашова Д. Д. Горномарийские глагольные конструкции с $\hat{a}l'\hat{a} / \hat{a}l\hat{a}n$ в зоне «сверхпрошлого» и за её пределами // Тринадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов и лекций (Санкт-Петербург, 24–26 ноября 2016 г.). СПб, 2016. С. 36–39.
4. Жорник Д. О., Хомченкова И. А. Предикаты боли в горномарийском языке: семантика и морфосинтаксис // Материалы Пятой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М., в печати.
5. Кибрик А. Е. Методика полевых исследований (к постановке проблемы). М., 1972. 182 с.
6. Кибрик А. Е. Опыт ОТИПЛа (филфак МГУ) в изучении малоописанных языков // Малые языки и традиции: существование на грани. Вып. 1. Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков. М., 2005. С. 53–71.
7. Кузнецова А. И. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии. Сборник статей. Ижевск, 2003. С. 249–259.
8. Плунгян В. А. Антирезультатив: до и после результата // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1. Глагольные категории. М., 2001. С. 50–88.

9. Плуноян В. А., Фёдорова О. В. (ред). Жизнь как экспедиция (сборник статей к 50-летию школы полевой лингвистики А. Е. Кибрика и С. В. Кодзасова). В 2-х тт. М., 2017. xxxv + 866 с. + 184 ил.
10. Саваткова А. А. Горное наречие марийского языка. Savariae, 2002. 292 с.
11. Серебренников Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960. 301 с.
12. Сидорова М. А. Числовое маркирование существительного в горномарийских количественных конструкциях// Тринадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов и лекций (Санкт-Петербург, 24–26 ноября 2016 г.). СПб, 2016. С. 99–102.
13. Сидорова М. А. Количественные конструкции со значением приблизительности в мокшанском, горномарийском, хантыйском и коми языках// Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2017» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс]. М., 2017.
14. Сичинава Д. В. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М., 2013. 384 с.
15. Хомченкова И. А., Плешак П. С. Дискурсивные функции посессивного показателя 3SG в горномарийском языке (на материале говора с. Кузнецово) // Доклад на Чтениях к 85-летию со дня рождения А. И. Кузнецовой (Москва, МГУ, 3–4 марта 2017 г.).
16. Тужаров Г. М. Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Йошкар-Ола, 1987. 144 с.
17. Цыпанов Е. А. Грамматические категории глагола в коми языке. Сыктывкар, 2005. 284 с.
18. Khomchenkova I. Discourse use of possessive affix 3sg in Hill Mari // SLE 2017 Book of abstracts. Zurich, 2017. In press.

19. Mordashova D. Hill Mari verbal constructions on $\hat{e}l'ə$ / $\hat{e}l\hat{a}n$: discontinuous past and beyond // Доклад на Международной конференции CONSOLE XXV (Лейпцигский университет, 4–6 января 2017).

20. Nikolaeva I. Possessive affixes as markers of information structuring: Evidence from Uralic // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии. Сборник статей. Ижевск, 2003. С. 130–145.

21. Repp S. Defining 'contrast' as an information-structural notion in grammar // *Lingua*. 2010. № 6. P. 1333–1345.

22. Simonenko A. Microvariation in Finno-Ugric possessive markers // Proceedings of the 34th annual meeting of the North East Linguistic Society. 2014. P. 127–140.